

ВАЛЕРИЙ ГОРШКОВ

ЛОЦИЯ ТИШИНЫ

A young child with light-colored hair, wearing a grey t-shirt and dark pants, stands in a dimly lit room. The child is reaching out with their right hand towards a large, glowing blue digital human figure that appears to be composed of particles and light. The figure is positioned in the center of the room, and the child's hand is just inches away from it. The room is dark, with some light coming from a window or a screen in the background, creating a soft glow. To the left, there is a stack of books on a shelf. To the right, there is a small table with some items on it. The overall atmosphere is mysterious and futuristic.

Валерий Горшков

Лоция тишины

<https://litres.ru/73988316>

SelfPub; 2026

Аннотация

Межзвёздный корабль «Ландау» застрял там, где время практически замерло. В области нулевой энтропии секунда для экипажа равна миллионам лет на Земле. Команда физика-энтрописта Серовой попала в эту ловушку, изучая аномалию, способную остановить все процессы во Вселенной. Но пленники не одиноки. Безмолвие войда наполнено вневременными информационными структурами — для них само время смертельно, а человеческое сознание столь же непостижимо, как и их бестелесное существование для нас. Возможно ли найти общий язык с тем, что находится в бесконечном «сейчас»? Есть ли шанс вернуться в мир, который давно перестал существовать? И чем ради этого готов пожертвовать человек?

Содержание

Пролог	4
Часть I. Вход. Граница, за которой нет звёзд	23
1	23
2	40
3	43
4	46
5	50
6	56
7	59
8	62
9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Валерий Горшков

Лоция тишины

Пролог

*Северный ледовитый океан,
2058 год, 22 года до старта «Ландау»*

Наручные часы отрывисто запищали. Сопровождающий щелчком вслепую остановил сигнал и поднялся. Его идеально подогнанный пиджак не исказили складки, даже когда он потянулся к багажному отсеку за кейсом. Обрато в кресло сопровождающий опустился уже с ним.

— Теперь, Елисей Олегович, вы можете взглянуть, зачем нам понадобились, — оповестил он, щёлкая замками.

Матео попытался рассмотреть через иллюминатор хотя бы что-то новое. Однако под крылом не оказалось ничего, кроме тянущегося до горизонта бесцветного океанского полотна, вспушённого серой ледяной шугой в цвет пепельного неба.

Сопровождающий передал ему безликую папку без каких-либо обозначений и подписей.

— А раньше вы боялись, что я брошусь с ней за борт? — усмехнулся Матео.

Ответом стал продолжительный безэмоциональный

взгляд.

— Ну что ж... — проговорил Матео, поспешив углубиться в чтение.

Папка скрывала всего четыре листа с краткими досье на сотрудников обсерватории имени Эрнста Кренкеля. Фотографии, имена, краткие биографические справки — Матео пропустил всё, кроме граф «Текущее состояние». На первой карточке её заполнили без подробностей: «тактильно галлюцинирует, бредит присутствием чего-то огромного и неподвижного, ощущением остановившегося времени».

Матео поднял взгляд и столкнулся глазами с по-прежнему отстранённым сопровождающим.

В карточке второго сотрудника обсерватории описание психологического состояния повторилось слово в слово. Ту же картину Матео увидел в оставшихся двух.

— Дурь какая... — бросил он под нос, поймав себя на потирании подушечек указательного и большого пальцев друг об друга.

Это давно забытое движение в последний раз помогало ему сосредоточиться на госэкзаменах в университете — уже лет десять назад, когда у него ещё были целы все пальцы. Накануне аттестации он настолько сильно загрузил себя повтором материала, что наутро мозг запротестовал и стал стерильным. Вопрос о межличностных конфликтах изолированных групп тогда показался ему бессмысленным набором случайных слов — как и досье на четвёрку с обсерватории

сейчас.

Уровень, на котором организовали его прибытие на архипелаг Земля Франца-Иосифа, исключал даже вероятность ошибочно составленного документа, и при этом сама синхронность психотических эпизодов всех четырёх членов одной команды выглядела диагностическим нонсенсом. Профессиональный опыт исключал подобные совпадения, а многолетняя практика сотрудничества с Роскосмосом показывала: никогда связанные с его профилем дальние поездки не оказывались вызваны пустяками или ошибкой.

— Что-то подметили? — поинтересовался сопровождающий.

— Нет-нет, — ответил Матео. — Данных слишком мало.

Повторно перебирая карточки предстоящих пациентов, он пытался отыскать новые совпадения, но разным у них были и возраст, и происхождение, и психотип.

В памяти Матео отчётливо повторился недавний звонок знакомого нейрохирурга, автора нескольких исследований на пересечении с психиатрией. Звонок тот, как начал осознавать Матео, случайным не был. Пётр Терехов предупредил его.

— Тебя пригласят. И как бы они ни... — начал Терехов.

— Куда? — перебил Матео.

— Ты поймёшь. Что бы они ни говорили, знай: это не психоз, а нечто иной природы.

— Что же в таком случае, парафрения? — в шутку пред-

положил тогда Матео, даже не подозревая, о чём его предупредил Терехов.

— Это вне нашей спецификации, — оборвал тот. — Будь честен перед собой и нами.

— Кем это «вами»? — спросил Матео.

— Появились предположения? — вновь заговорил не отрывавший от него взгляда сопровождающий.

Вопрос вернул Матео в настоящее.

— Что, говорите, предшествовало массовому помешательству? — спросил он.

— Так у них помешательство?

— Пока не могу ничего сказать, — отказался от своих слов Матео. — Чем они там занимаются?

— Тем же, чем и все гелиогеофизики — наблюдают за космосом, изучая погоду.

— Только не говорите, что теперь они думают, будто это он за ними следит, — выдохнул Матео, возвращая папку.

— Похоже на массовый психоз на фоне длительной изоляции, полярной ночи и монотонной работы, правда? — предложил версию сопровождающий.

— Мы с вами коллеги? — удивился Матео.

— Теперь — да.

Самолёт тряхнуло, и он начал заваливаться на борт. Матео машинально упёрся рукой в полку над головой.

— Солидный цвет, — усмехнулся сопровождающий, кивнув на показавшиеся из-под рукава наручные часы.

Матео промолчал. На его хронометре изначально стоял розовый кожаный ремешок, менять который он не собирался, потому что не имел права. И не хотел.

Иллюминаторы вспыхнули белизной внезапно возникшего внизу острова Земля Александры. Началось снижение.

Если бы не аэродромные знаки, тёмными пятнами ограничивающие взлётную полосу аэропорта Нагурское, Матео подумал бы, что пилоты решили посадить самолёт посреди заснеженной равнины. Вдруг в клубящемся снегу вспыхнули рубиновые импульсные огни, очертив узкий коридор для посадки.

Когда борт выровнялся, чуть в стороне от аэродрома показались куполообразные модули «Арктического трилистника». Тусклые отблески солнца скользили по округлым стенам военной базы, но обледенелой земли не касались — постороннему трудно было понять, ни то они добрались на рассвете, ни то наоборот к закату. Но для Матео картина не была новой. Он знал, что первый после полярной ночи день слишком короток для полноценного восхода.

— Не повезло вам, Елисей Олегович, — проговорил сопровождающий. — На северную ночь не успели.

— Да уж посмотрелся однажды, — буркнул Матео.

Тряхнуло. Белизна побежала с гулом под крылом. Пластик обшивки тонко потрескивал. Сопровождающий уже успел натянуть непонятно откуда возникшую шапку с крупную синюю снежинку. Она настолько плохо сочеталась с его

строгим костюмом, что Матео успел подумать о галлюцинации.

Пилот увёл замедлившийся самолёт на рулёжную дорожку, где довольно скоро двигатели смолкли. В борт ударил подкатившийся трап.

— Время не ждёт, — поторопил сопровождающий. — Багаж оставьте.

Распахнув багажную дверцу над креслами, он передал Матео его куртку, а сам скользнул в свою раньше, чем тот успел отстегнуть ремень безопасности.

Земля Александры встречала обманчивым приземистым ветром. Наверху трапа его совсем не ощущалось, но ближе к концу в ноги точно бросили ледяную глыбу. Матео еле успел удержаться за поручень.

Бежавший под ногами позёмок скрывал всё ниже колена, создавая иллюзию непролазного сугроба. Опора при этом была крепкой. Долго сквозь метель идти не пришлось — дверь подоспевшего белоснежного «ТРЭКОЛА» открылась, и Матео сам не заметил, как оказался в чрезмерно нагретом салоне между двумя военными в зимнем камуфляже. Сопровождающего с ними в салоне не оказалось.

— Ташкент тут у вас, — улыбнулся Матео, сбрасывая капюшон и протягивая руку ближайшему военному. — Елисей.

— Не жалуемся, — отшутился тот. — Белоснежные пляжи, море...

— Курорт! — добавил второй.

Снегоболотоход юркнул под крыло разворачивающегося самолёта и, пронёсшись по бурлящей снегом бетонке, юркнул в зев ворот стоящего отдельно от основной части базы модуля.

Внутри рядом со вторым «ТРЭКОЛОМ» уже ждал прежний сопровождающий. По ленте сканера полз чемодан Матео.

— Вам сюда, — сказал сопровождающий.

Он перенаправил Матео от чемодана в сторону невзрачной двери. За ней открылось просторное, отлично освещённое пространство. Свет явно был искусственным, поскольку снаружи небо казалось намного темнее, однако его источник определить было трудно. Матео рассудил, что скорее всего потолочные окна сделали искусственными.

Внутренне пространство напоминало скорее заключённую под крышу часть улицы, чем самостоятельное здание. Визуально внутренние помещения разделили на самостоятельные постройки с балкончиками, похожими на мосты переходами и обилием зелени. Проходя мимо одного, Матео успел прикоснуться к листку растущего прямо из пола дерева — тот оказался живым, хотя идентифицировать растение не удалось.

Путь в основную часть режимного объекта преграждали расставленные по проходам военные. Для Матео оставили лишь один коридор — к крохотному помещению для ожи-

дания без окон и с простой мебелью.

— Располагайтесь, — сопровождающий предложил ему небольшой диванчик.

На журнальном столике перед ним стояли стакан с закрытой бутылкой воды и запечатанный контейнер с какой-то едой.

— Уборная за той дверью, — пояснил сопровождающий. — Вертолёт будет готов через двадцать минут. Удобства скромные, но если что-то ещё понадобится...

— Шутите? — отмахнулся Матео. — Даже не верится, что я на севере — у меня дома менее комфортно.

Неразговорчивый сопровождающий оставил его в одиночестве. Матео оглядел карту Арктики на стене и понаблюдал за флуоресцирующими рыбками в аквариуме под ней. Только после этого, потянувшись к бутылке, он заметил лежащую на журнальном столике папку — точно такую же невзрачную, как и та, что ему давали в самолёте.

Внутри вместе с уже знакомыми ему досье на команду обсерватории Кренкеля лежали бумаги, содержащие краткое описание проводимых на научной станции исследований. И они не совпадали с той информацией, которую Матео нашёл в открытых источниках, когда получил приглашение проконсультировать «Роскосмос» по поводу состояния находящихся на ней сотрудников.

Официально обсерватория Эрнста Кренкеля была геофизической станцией, на которой изучали физику верхних сло-

ёв атмосферы ракетным зондированием. Благодаря этому точные метеорология и ледовые прогнозы позволяли флоту и военным обеспечивать безопасность Северного морского пути.

Представленная же в папке скудная информация вместе с этими называла куда более масштабную, и при этом менее понятную Матео задачу — изучение космических лучей.

Открывшаяся информация поясняла роль «Роскосмоса» в разрешении произошедшего на острове Хейса, однако заставляла задаваться новыми вопросами. Например, почему неспособных продолжать исследования работников станции оставили в медпункте на месте, а не транспортировали в более комфортные условия госпиталя «Арктического трилистника»?

Ответ казался очевидным, отчего и настораживающим: состояние пострадавших настолько нестабильно, что их транспортировка в замкнутом пространстве вертолётá создаёт риски как для них самих, так и для экипажа. Дело в банальном вопросе безопасности — панику или другое неадекватное поведение со стороны эвакуируемых сочли вполне вероятными. К тому же, куда проще доставить одного специалиста к ним, чем их всех к нему.

Или же дело вовсе не в этом, а в изолированности острова Хейса? Организаторы исследований сохраняли полный контроль над ситуацией, оставляя пострадавших на месте. В этом был и плюс для профессиональной задачи Матео — на

месте событий сразу после инцидента определить причины психических изменений команды и их степень могло быть проще, чем на «Большой земле» спустя время.

Дверь отворилась без стука. Сопровождающий пригласил Матео продолжить путь, мотнув головой куда-то вглубь коридора. Путь к аэродрому повторился в обратном порядке через контролируемый военными коридор и ангар для вездеходов.

Готовый к старту вертолёт разгонял лопастями снег во все стороны, обнажая практически чистый ото льда бетон. Перебраться в него из «ТРЭКОЛА» невидимые руки военных помогли Матео настолько быстро, что он успел заметить лишь щелчок закрывшегося за ним люка.

Пристегнувшись к креслу и натянув приглушающую шум двигателя авиационную гарнитуру, Матео огляделся.

— Мы не забыли багаж?! — спросил он расположившегося напротив сопровождающего.

— В нём не было того, что вам не смогут предоставить на станции! — отозвалась гарнитура.

— Для работы мне нужен ноутбук!

— На Кренкеле имеются компьютеры! — тоном, не принимающим возражений ответил сопровождающий. — И куда лучше вашего!

Винты яростно молотили сгущающуюся в снег и туман стужу непроглядно-белого ничто вокруг. Мгла облепила вертолёт так плотно, что оставалось только гадать, каким обра-

зом пилоты умудрялись в ней ориентироваться.

До усталости длительное время всё оставалось неизменным. Шлепки винтов по рассекаемому воздуху слились в непрерывный монотонный рокот. Сопровождающий всё не сводил глаз, будто и вовсе не моргая. Белизна снаружи продолжала слепить прожекторами через округлые стёкла иллюминаторов. И вдруг вертолёт завалился на бок.

Матео инстинктивно выставил руку вверх и ухватился за ручку, предусмотрительно размещённую инженерами над головой. Борт продолжал крениться, пока внизу в клубах редящих облаков не мелькнула размазанная тень с двумя винтами. А затем из марева вынырнула земля.

Остров Хейса с чёткими отвесными берегами высился над беспокойной водой чёрными оголёнными холмами. Тень вертолёта скатилась по склонам ледникового купола Гидрографов и начала увеличиваться по мере приближения к невыразительным постройкам обсерватории Эрнста Кренкеля.

Одноэтажные постройки распластались по побережью мыса Обсерваторский, утопая в вечной мерзлоте. С высоты едва угадывались узкие переходы между зданиями – одни пузыри астрономических куполов, скелеты вышек связи и жерди обледеневших до неподвижности мачт флагштоков чётко выделялись на их фоне.

Вертолёт завис над уплотнённой площадкой между двумя плоскими модулями обсерватории. Взметнувшийся от пото-

ка воздуха снег на мгновение вновь размазал по стёклам белизну, а когда та рассеялась, машина уже плавно коснулась земли. Корпус осел, точно вминаясь в лёд. Двигатели сбавили обороты, и замедлившиеся лопасти начали затихать. Когда же они совсем смолкли, Матео подумал, что оглох – до того уж вокруг стало тихо. Однако скрип внезапно открывшейся створки люка остановил его опасения.

Сопровождающий скользнул наружу. Последовавший за ним Матео замер, едва ступил на утопанный до твёрдости бетона снег. Лицо обдало металлической свежестью, практически сразу обернувшейся ледяным жжением. Он был готов поклясться, что слышал, как затрещала его твердеющая кожа.

Охватившая пространство тишина была абсолютной. Ни голосов, ни техники, ни гула проводов. Даже скользкий над крышами ветер пролетал без единого звука. Лишь затвердевшие от мороза и влажности флаги России, Роскосмоса и Росгидромета неподвижными фанерными прямоугольниками изредка едва заметно похрустывали.

В стороне кашлянули. Сопровождающий кивком пригласил Матео за собой, после чего направился к находившемуся в удалении синему модулю с массивными синими стенами.

По одному запаху стало понятно, что они попали в медблок. Внутри гудели автономные климатизаторы (АК), а под потолком тянулись плазменные трубопроводы от УПГ-350У. АПА-100У поддерживала напряжение — без

неё Арктика заполнила бы коридоры.

Встретивший их низкорослый мужчина в толстой парке поверх утеплённого врачебного комбинезона молча пожал руку сопровождающему.

– Заславский, – представился он.

– Матео.

– Иностранец?

– Елисей Олегович, – поправил себя тот.

– Значит так, Ёся, места у нас тут немного, всего две палаты, так что разместили их парами, – начал Заславский, увлекая его за собой вглубь коридора. – Условия для наблюдений идеальными не назвать, но проще их лишний раз не тревожить.

– Из-за состояния?

– Они стабильно нестабильные, – понизив голос, подтвердил Заславский. – Или нестабильно стабильные, это уж как ты на жизнь смотришь. Периоды просветления случайны и по длительности, и по времени, динамика ни положительная, ни отрицательная – никакая.

Остановились возле двери с заглушённым листом фанеры стеклом. Обернувшись, Матео осознал, что сопровождающий за ними не пошёл. Наверное, и так уже видел достаточно.

– И давно уже?

– Третий день.

– Я ведь тут не первый? – уточнил Матео. – До меня был

нейрохирург, Терехов?

Заславский оглянулся в пустой коридор.

– Здесь у нас Шевцов и Геращенко, – прокашлявшись, сказал он, хватаясь за ручку. – Инженер по ракетно-космическим системам, отвечал за пуск метеорологических ракет, и геофизик, следил за ионосферой, полярными сияниями, магнитным полем.

Замок щёлкнул. На внутренней стороне открывшейся створки ручки не оказалось. На стоявших друг напротив друга койках синхронно раскачивались двое давно небритых мужчин неопределённого возраста. Обняв себя руками, они отклонялись назад на скрипучих матрасах настолько, что едва не падали на спины, а затем возвращались обратно и ударяли пятками в пол. Звук их одновременного топота сливались в единые глухие удары.

– День добрый, – поздоровался Матео. – Я на вас с «Большой земли» на помощь прибыл.

На него даже не обратили внимания. Оба мужчины продолжали раскачиваться, что-то шепча себе под нос. Чтобы разобрать, пришлось подойти ближе.

– Его больше нет... – шептал то, что сидел слева. – Только снаружи... Оно снаружи...

Матео наклонился ко второму.

– Оно снаружи... – повторял он. – А мы – внутри... Снаружи оно есть... Но тут его нет... Его больше нет... Только снаружи...

– Они бормочут одно и то же, – ответил Заславский на немой вопрос Матео. – Слово в слово, секунда в секунду. Во второй палате Александров, физик-ядерщик, с ними заодно.

– Зачем в обсерватории ядерщик? – удивился Матео. – Тут что, реактор свой?

– Для регистрации жёсткого излучения, потоков частиц, нейтронов, – пожал плечами Заславский. – Космические лучи, в общем, регистрировал. Так он с этими точно рядом сидит и повторяет, я на диктофон проверял, вот.

И он показал диктофон.

– А четвёртый?

– Фокин, радиоастроном, небо слушал, он отличается...

Заславский замаялся. Он глядел на Матео с таким видом, будто сомневался, стоило ли продолжать.

– Чем?

– Да он, Ёся, так знаешь, иногда будто и ничего с виду, – всё же начал Заславский. – Говорит складно, да только... В том и беда, что складно, верить ему хочется, а несёт ведь несусветную чушь. Тишина, говорит, думает.

– А мы – внутри... – повторяли Шевцов и Геращенко. – Снаружи оно есть... Но тут его нет...

– Кто это «оно»? – спросил Матео.

– Время, – ответил Заславский. – У них иной раз фразы чуть полнее, в другой победнее. Я покажу записи.

Оставив инженера с геофизиком за их непрерывным занятием, Матео вместе с Заславским перешли во вторую ана-

логичную палату. На кровати слева уже знакомым образом раскачивался Александров.

– Только снаружи... – шептал он. – Оно снаружи... А мы – внутри.

Фокин же, разместившись на тумбочке, глядел в тёмное, точно заколоченное снаружи окно. Здраваться Матео по предыдущему опыту не стал.

– Вы меня напугали, – вдруг вскочил с тумбочки Фокин. – Задумался, не заметил...

– Здравствуйте... – замялся Матео.

– Игорь Данилович, – подсказал Заславский.

– Рад вас видеть, Игорь Данилович, – продолжил Матео.

– Меня зовут Елисей Олегович Матеев, меня прислали из Санкт-Петербурга к вам...

– Мозгоправ? – перебил его Фокин.

– Психиатр, – не стал врать Матео. – Специализируюсь на экстремальных состояниях и психологии малых изолированных групп...

– Это не ваш случай, уходите, – оборвал Фокин, отворачиваясь обратно окну. – Елисеич, хоть щелку-то проковыряй, а?

– Ну почему же не моя, – не согласился Матео. – Вот с Петром Тереховым (вы, я полагаю, знакомы) мы вместе исследовали квантовые эффекты в нейронных сетях.

Фокин продолжал стоять к нему спиной. Но по тому, как он замер, стало понятно, что его удалось заинтересовать.

– Это когда внешние поля оказывают влияние на паттерны сознания, – продолжал Матео. – Например, когда кажется, что тишина начинает оживать...

– Всё не совсем так, – перебил его Фокин, оборачиваясь. – Совсем всё не так даже.

– Но как? – изобразив искреннее непонимание, спросил Матео. – Что тут произошло?

– Мы исследовали аномалию Серовой-Чандра 1¹ в Местном войде², – проговорил Фокин. – У нас тут модуль «Эхо-3» на основе БРЛС и перепрофилированного под направленный луч РЛК РОП... Короче, мы смоделировали сигнал, пытались услышать аномалию активным квантовым зондированием, но ответ уловила вовсе не аппаратура, а...

Фокин кивнул на Александрова.

– Снаружи оно есть... Но тут его нет... – неустанно бормотал тот. – Его больше нет...

– А что же вы? – спросил Матео. – С вами ведь произошло что-то иное?

– Мы все получили один и тот же ответ, – понизив голос до шёпота, проговорил Фокин. – Только они его не разобрали, а я понял...

– Записи остались?

¹ номалия Серовой-Чандра — гравитационная аномалия в центре Местного войда, не имеющая электромагнитного излучения — «энтропийный колодец».

² Местный войд — гигантская область пониженной плотности вещества в космосе, граничащая с Млечным Путём. Реально существующий объект.

Фокин рассмеялся, а затем ткнул пальцем себе в лоб.

– Ответ пришёл прямо сюда! – пояснил он. – Там что-то есть, мы поняли, хотя оно и не двигалось... Но даже на таком расстоянии я почувствовал, как оно решает...

– Оно – это время?

– Нет, время снаружи него, – отмахнулся Фокин, вмиг потеряв азарт рассказчика. – А мы побывали внутри, оставаясь на месте.

– Ну вот, утомился, – вдруг шепнул до этого молчавший Заславский. – Пойдёмте...

– И мы слышали его раньше, – вдруг вновь заговорил уставившийся в закрытое окно Фокин. – Может и вы слышали, только не осознавали.

– О чём вы? – спросил Матео.

Тот подзвал его ближе к окну. Набрав побольше воздуха, Фокин выдохнул, и на стекле проявился выведенный пальцем рисунок в виде последовательности петлеобразных линий.

– Я думал, это космический шум или помехи, хотел даже отфильтровать, – продолжал Фокин. – А потом заметил последовательность и нарисовал её...

Он провёл пальцем по одной из линий, после чего подышал на стекло ещё раз, не позволяя ей исчезнуть.

– Она повторяется, но не совсем одинаково, – продолжал Фокин. – Это не наслоение, не искажение, а его структура.

Матео почти вплотную приблизился к каракулям Фокина

и с удивлением заметил в них разлад и при этом одновременно какую-то почти маниакальную скрупулёзность, точно малыш в прописи раз за разом пытался вывести одни и те же закорючки от букв, но каждое новое повторение у него выходило немного иначе. И вдруг он увидел в беспорядке раз за разом повторяющуюся структуру из семи немного отличающихся символов. И эти семёрки, отличающиеся по размеру, в своей форме оставались до искусственного идентичными.

– И что же это значит?.. – задумался Матео.

– Оно заметило нас.

Часть I. Вход. Граница, за которой нет звёзд

1

На пути к Местному войду

2080 год, 3 недели со старта «Ландау»

Пахло изоляцией и пластиком. Этот запах, поначалу казавшийся удушающим, теперь, по мере удаления от Земли, стал для Матео единственной связанной с ней константой. Изменения же в экипаже, пусть и незначительные, но уже начали проявляться, даже несмотря на тщательную подготовку. Но от этого уйти невозможно. Человек будет вести себя как человек, пока им быть не перестанет. И Матео считал это огромным плюсом, ведь в психологии людей он прекрасно разбирался. А до их превращения во что-то меньшее команде было ещё слишком далеко.

Меньшее, потому что накопленная психологическая усталость всегда превращает людей не в сверхчеловеков, а в субчеловеков – в условных животных. Почти таких же сильных, как шимпанзе, и почти таких же умных, как люди. Диалог с ними вести уже не получится, но вот инструментами и механизмами пользоваться они ещё могут. А в условиях меж-

галактического полёта на борту хрупкого, пусть и такого передового как «Ландау», корабля одного сломавшегося мозга достаточно для гибели всей миссии.

Вот и приходилось в рутинном порядке вести наблюдения за экипажем с самого пробуждения и до отхода ко сну.

Медицинский отсек «Ландау» просторностью не отличался. В нём едва могли уместиться трое, да и то один из них должен был находиться в процедурном кресле либо сидя, либо, в разложенном до хирургического стола положении, лёжа.

Необходимости в помощниках при стандартном осмотре Матео не испытывал, а потому они с Аркадием могли чувствовать себя настолько вольготно, насколько позволяло пространство.

Данные с датчиков полётного костюма Аркадия напрямую поступали в планшет Матео. Физически он пребывал в прекрасном состоянии, но вот его душевное состояние казалось Матео если не угнетённым, то близким к этому.

— Жалобы? — спросил Матео.

— Отсутствуют.

— Как спите?

— По расписанию, — нехотя пробурчал Аркадий.

— Аппетит?

— Питаюсь в соответствии с суточными нормами.

— И хватает?

— Не жалуюсь.

Матео отложил планшет и устался на гибкий дисплей, занимавший предплечье куртки Аркадия. По нему бежали непонятные для психиатра символы сложного кода.

— Опишите, что чувствуете, — попросил Матео. — Только физические ощущения.

— Температуры нет, потребление кислорода в пределах нормы, — ответил он, пожимая плечами. — Пульс стабилен.

— Это показатели, а не ощущения.

— Я не ощущаю ничего, что потребовало бы описания, — отказался откровенничать Аркадий. — Это всё?

— Встаньте и вытяните вперёд руки, — попросил Матео. Аркадий повиновался.

— Вверх ладонями.

Никакого тремора не наблюдалось. Только мизинец левой руки едва заметно подрагивал микроскопическими движениями в такт сердцебиению. Матео зафиксировал это для себя, но пока в журнал заносить не стал.

— Вы могли бы делать это и пореже, — упрекнул Аркадий, поднимая на него взгляд со своих рук. — Ежедневные тесты утомляют.

— Насколько сильно?

— Я хотел сказать, они избыточны, — поправил себя Аркадий.

— Протокол, — коротко парировал Матео.

— Его придумали для тех, кто не сумел пройти полную психологическую верификацию перед стартом.

— А вы прошли?

Аркадий не ответил. Он покосился на зависшую под потолком в углу Кассию. Сфера из матового металла тускло мерцала фиолетовым, сигнализируя об интенсивности работы квантового процессора в режиме минимальной активности. Тонкие полупрозрачные сенсорные нити зонд втянул в корпус. Условно говоря, Кассия спала.

— Ей осмотр не требуется, — вдруг сказал Аркадий.

— Разве я предлагал? — удивился Матео. — Тем более, Кассия явно сугубо по вашей части.

— Вы взглянули на неё, как на пациента, который не может найти в себе силы выговориться.

— Про переживания даже спрашивать не буду, но разве она может инициировать беседу без команды?

— Да, только не всегда хочет, — подтвердил Аркадий. — Когда мы разрабатывали её архитектуру, я понял, что именно этот вопрос желания отличает сознание от алгоритма.

— Это как посмотреть, — не согласился Матео. — Настоящий разум лавирует между множеством «может» и «хочет», а также их противоположностями. Потому его и называют разумным.

— Она разумна, — отрезал Аркадий, одёргивая полётную куртку. — Мы закончили?

Матео мысленно отметил его излишне скованные движения, точно он намеренно пытался контролировать свою возбуждённую моторику.

— Да, конечно, — улыбнулся Матео.

Когда инженер квантовых нейросетей покинул медотсек, Матео вернулся к планшету. Прочитав карту осмотра вниз, он на секунду задержал палец над подтверждением, а затем нажал на него. Дисплей отобразил стартовую страницу ежедневного журнала, на которой зелёным подсветилось поле: «Аркадий Юн, осмотр пройден успешно».

Запертые двери в коридор пропустили почти неуловимый отзвук голосов. Пусть слова разобрать не получалось, интонации улавливались вполне сносно. И по ним стало понятно, что покинувший медицинский отсек Юн по пути каюте успел сцепиться с командиром.

Матео поспешил в коридор, но застал там только Серову.

— Командир! — окликнул он, не позволив ей уйти.

Она остановилась, но отрываться от планшета не стала — лишь повернулась ухом к нему и чуть склонила голову, давая понять, что слушает.

— На пару минут, — пояснил Матео. — Протокольный опрос.

— Двух минут у меня нет, — возразила она, увлекая его за собой в командный отсек. — Меньше чем через шесть часов мы войдём в зону флуктуаций, Юн считает, что скорость нужно сбавить на два процента. У меня взгляд противоположный.

— Спорите?

— Ищем аргументы, — поправила командир. — Это раз-

ные вещи.

— Эффективно получается?

Наконец у самых дверей она остановилась и повернулась к нему. Под глазами отчётливо проглядывались синяки. Но вовсе не такие, как у измождённого депрессией или нервами человека — это были следы недостатка сна. Матео не раз наблюдал подобные у руководителей изолированных групп, будь то пешие походы в тайгу, антарктические экспедиции или эксперименты Роскосмоса.

— Жалобы? — спросил он прежде, чем Серова проявила недовольство затянувшейся паузой.

— На отсутствие времени для жалоб.

— Аппетит?

— Ем, когда положено.

— Сон?

— Когда положено.

Матео недоверчиво сощурился, но не сумел пронять её своим скепсисом.

— Это ваши стандартные ответы, — надавил он.

— Как и наше положение — всё идёт штатно, — ответила Серова. — Движемся по маршруту в соответствии с графиком, системы работают стабильно, а команда здорова. У вас остались ещё вопросы, Елисей Олегович?

— Нет, на этом всё... — он замялся.

В протоколе Серовой был дополнительный вопрос — для единственного члена экипажа, оставившего на Земле семью.

— Хотя постойте, — попросил он. — Тоскуете по дому?

Вместо ответа командир как-то машинально ощупала набедренный карман лётного костюма. Со стороны тот оказался пустым.

— Это совсем не то чувство, — вдруг проговорила она.

— опишите, — попросил Матео. — Только физические ощущения.

— Липкий жар под грудной клеткой, — понизив голос, сказала она. — Он сковывает.

— Что именно вас волнует? — уточнил Матео.

— Исход миссии, в остальном мои мысли в порядке.

Она шагнула в раздвинувшиеся двери к пульту управления «Ландау».

Глядя ей вслед, Матео подумал, что в их нынешнем положении куда безопаснее для всех было бы быть друг с другом более откровенными. Сохранение профессиональной дистанции не позволяло говорить о волнующих переживаниях заблаговременно и заставляло скрывать их за протокольным «всё в норме». Эта самая «норма» в какой-то момент могла стать опаснее открытого кризиса. И всё же пока причин отказывать командиру в здравомыслии он не находил. Не задумываясь, он нажал на подтверждение. Журнал высветил: «Екатерина Серова, осмотр пройден успешно».

Двери закрылись. Матео отошёл от них к стене и выглянул в окружающую корабль черноту через небольшой прямоугольный иллюминатор. Безжизненное пространство во-

круг выглядело разряжённым настолько, что в нём уже почти не было видно звёзд. Лишь несколько неявных тусклых точек чудились на невообразимом удалении от корабля, но уже трудно было сказать, действительно ли они там находились, или же это воображение начинало дорисовывать хотя бы что-нибудь, борясь с осознанием приближения к непостижимо-му для человека «ничто». Местный войд был всё ближе.

— Кассия, ты меня слышишь? — повысив голос, спросил Матео.

— И вижу, Елисей Олегович, — отозвалась она посредством костной проводимости через вживлённый за правым ухом имплант.

— Проведи для меня ежедневный опрос, — попросил он.

— Сегодня вы опять подтвердили его успешность раньше, чем опросили команду, — заметила Кассия. — Значит, с вами всё в порядке, за психологическую безопасность экипажа отвечаете вы, и вам моя помощь не требуется.

— Знаешь, там на Земле... — он помедлил и обернулся к противоположному иллюминатору. — Ну или где-то там на Земле многие даже мало-мальски толковые психиатры проходят супервизию, чтобы избежать когнитивных ловушек в своей работе.

— У вас есть жалобы? — спросила Кассия.

— Отсутствуют.

— Что с аппетитом?

— Хороший.

— Как спите?

— Немного отекают ноги.

— Почему вы на самом деле просите меня вас опрашивать?

Двери командного отсека открылись, и наружу вышла Серова.

— Вечерний приём пищи, — напомнила она.

— Начинайте без меня, я скоро.

— Так почему у вас снова и снова возникает эта просьба?

— повторила вопрос Кассия, когда командир ушла.

— Потому что однажды может настать момент, когда сам я буду неспособен здраво оценить своё состояние.

— Вас тревожит вероятность потери профессионального видения?

— В какой-то степени.

— Такое раньше с вами уже случилось?

— С чего ты взяла?

— Опишите свои физические ощущения по этому поводу.

— Не знаю... Пустота.

— Вы хотите, чтобы я продолжила?

— Нет, на этом давай остановимся. Как я справился?

— Успешно, как вы и оценили себя. Хотите рекомендацию по отёкам нижних конечностей?

— Да, лапы хотелось бы разгрузить.

— Понижение искусственной гравитации в вашей каюте

позволит решить проблему. Хотите выставлю необходимые параметры сразу?

— Будь любезна.

— Время ужина началось, Елисей Олегович, — оповестила Кассия. — Присоединитесь к экипажу?

— А что у нас сегодня?

— Для вас — сто двадцать граммов белков, восемьдесят граммов жиров, триста граммов углеводов, тридцать граммов клетчатки...

— Ну всё-всё, — остановил её Матео. — Наготовила вкуснятины...

Кают-компанию сотрясали очередные разногласия. Это стало понятно ещё до того, как открылись двери.

Серова и Юн сидели друг напротив друга под тяжестью голографической проекции расчётов траектории «Ландау», даже не притронувшись к своим контейнерам с ужином.

— ...Градиент не может быть нулевым, — протестовал Аркадий. — Термодинамике это противоречит.

— Но он стремится к нулю — стояла на своём командир. — Энтропийный ландшафт³ на границе войда имеет волнистую структуру и постепенно угасает — это подтверждено расчётами!

— По мне ваши расчёты подтверждают только то, что вы

³ Энтропийный ландшафт (Энтропийный градиент) — разница в скорости роста энтропии между двумя областями пространства. Энтропия — мера беспорядка или хаоса в системе.

хотите их подтвердить.

— В таком случае ваши — лишь то, что вы пытаетесь опровергнуть мои.

Матео не вмешивался. Казалось, спорящие даже не заметили его появления. Стараясь не отвлекать их, он опустился на кресло чуть в стороне и принялся наблюдать, ложку за ложкой поглощая ужин, совсем не осознавая, что именно он ест, какого оно цвета и вкуса. Еда ему стала безразлична.

Аркадий говорил прямо и совсем без раздражения. Свою позицию он считал аргументированной и вёл дебаты, опираясь на известные ему факты. Серова же вела себя эмоциональнее. Вероятно, даже чуть более эмоционально, чем позволяла ей должность командира. При этом оба сохраняли профессиональные рамки.

— Провела новый анализ и могу предоставить дополнительные данные, — проговорила Кассия через импланты. — Согласно моделированию энтропийного градиента на границе Местного войда локальные флуктуации составляют порядка нуля целых и трёх десятитысячных процента от среднего уровня.

— Вполне достаточно, чтобы не считать градиент нулевым, — заметил Аркадий. — Как я и говорил.

— Для корректировки курса и скорости рекомендую учесть новые данные, — ответила Кассия. — Скорость нужно увеличить до максимально безопасной.

— Чем ниже градиент, тем медленнее «Ландау», — пояс-

нила расчёт Кассии Екатерина. — Запас скорости на входе позволит нам сократить время пути.

— До нуля он всё равно не упадёт, — стоял на своём Аркадий.

— Надеюсь, иначе мы не знаем, что может случиться с необратимостью.

— Уж время вспять точно не пойдёт, — хмыкнул Аркадий.

— Всё равно мы ведём дебаты не о том, — вздохнула Серова. — Давай теперь признаем и то, что спор о процентах — просто способ избежать разговоров о главном: мы до сих пор не знаем, что ждёт нас внутри.

— Нет смысла рассуждать о том, что нельзя измерить снаружи.

— Но для готовности мы должны предполагать гипотезы, — стояла на своём командир. — Будет лучше, если мы предугадаем что-то до того, как попадём внутрь и окажемся в сложной ситуации.

Снова их разговор возвращался к исходному разногласию — стоило ли сразу устремляться к аномалии Серовой-Чандра, или же предварительно следовало провести серию дополнительных опытов, двигаясь в её направлении по границе энтропийного градиента на краю войда. Матео в противостояние не вмешивался, поскольку в физике такого уровня практически ничего не смыслил. При этом он признавался себе, что со стороны ему больше импонировала точка зрения Ар-

кадия, хотя по человеческим качествам куда более приятной ему казалась Серова. Однако профессиональный опыт давно научил Матео разграничивать впечатления и логические выводы.

— При всём уважении к вам и вашей покойной матушке, Екатерина Геннадьевна, — начал объяснять своё видение положения Аркадий, — но если за двадцать пять лет со дня открытия аномалии Серовой-Чандра лучшие научные команды на Земле не сумели отыскать эту возможность, то как сможем мы?

— Мы к аномалии гораздо ближе, — ответила командир. — Как по расстоянию, так и во времени.

Кто на самом деле из них был прав, Матео судить не решился, но понимал, что спорить они продолжали вовсе не потому, что пытались склонить друг друга на свою сторону — их противоречие казалось фундаментальным расхождением взглядов. Просто молчать было страшно. Команде «Ландау» предстояло столкнуться с тем, что для человечества изучить было жизненно необходимо, и что изучить на нынешнем этапе развития науки представлялось возможным только изнутри.

Матео не знал, ограничена ли была Кассия в искренности относительно успеха миссии и могла ли провести статистический расчёт её успешности, но спрашивать даже не пытался. Потому что он тоже боялся. Не хотел услышать число с гораздо большим количеством нулей после запятой, чем в

том, которым квантовый разум обозначил величину флуктуаций на границе Местного войда. А ведь скорее всего это значение действительно гораздо более ничтожно. Но кто-то должен был стать первым. Следующие будут неминуемо, однако дорогу проложить выпало именно «Ландау».

— Елисей Олегович, — вдруг обратилась к нему Кассия. — Сегодня вы провели очередной осмотр команды. Какие у вас впечатления?

На мгновение Матео опешил, не ожидая от искусственного сознания такого вопроса.

— Всё в пределах нормы, — ответил он.

При этом мысленно добавил: «пока что».

— Я зафиксировала незначительные изменения в поведения Аркадия, — оповестила Кассия. — Уровень раздражительности относительно среднего сегодня повышен на восемь процентов, а продолжительность зрительного контакта с собеседниками понижена на двенадцать процентов.

— Ты ведёшь такой учёт? — удивился Матео.

— Это моя функция.

— Твоя главная функция — обеспечивать связь и обрабатывать данные, — напомнила Серова.

— Кассия — не какой-то голосовой помощник, — напомнил Аркадий, поднимаясь.

— Верно, по документации это КЭА, — сказала командир. — Та же машина, только более сложная, чем...

— Она мыслит, а не функционирует, — оборвал Аркадий.

— Протокол безопасности включает анализ поведения экипажа, — добавила Кассия.

Матео усмехнулся. Созданный людьми квантовый энтропийный анализатор 4⁴придерживался протокола, чтобы контролировать людей.

— Что вас веселит? — спросил Аркадий.

— Кассия права, мы все изменились немного за эти три недели, — ответил Матео. — Это нормально для изолированной группы.

— Норма — это то, что можно измерить, а не то, что возникает хаотично, — буркнул Аркадий.

Он двинулся к выходу, но Матео мягко придержал его рукой.

— У вас всё в порядке с аппетитом, — сказал он, кивнув на оставшийся закрытым контейнер с ужином.

Подхватив еду, Аркадий покинул кают-компанию. Проводив его взглядом, командир погасила проекцию и взглянула на Матео.

— С ним что-то случилось? — спросила она.

— Физически — нет. А психологически... Тут я не экстрасенс.

— Но ведь психиатр.

— Потому и не экстрасенс — я могу видеть только то, что мне показывают. А его открытым человеком не назвать.

⁴ Квантовый энтропийный анализатор (КЭА) — квантовый компьютер, способный обрабатывать информацию в состоянии суперпозиции.

— А я?

— Что?

— Что вы видите во мне?

Матео задумался. Не всегда пациентам нужно озвучивать свои выводы, но Екатерина Серова пациентом не была, зато была командиром миссии. И как командир она должна была знать всё.

— Вы слишком спокойны для человека, который отправился в неизвестность, — наконец ответил Матео. — Эмоциональны, что вызвано естественным страхом, но это другой уровень переживаний, внутри вы слишком ровны, будто давно приняли риски. Не только эти, а вообще... Это ваша привычка.

— К чему? — допытывала Серова.

— К ожиданию.

Сохраняя невозмутимое выражение, командир встала и демонстративно потрясла запечатанным контейнером с едой, после чего направилась с ним к выходу. У самой двери она обернулась.

— У вас хорошо развита эмпатия, Елисей Олегович, — проговорила она, — но не всему, что вы замечаете, нужно ставить диагнозы.

Матео опустил взгляд на пустой контейнер и отложил в сторону ложку.

— Елисей Олегович, — напомнила о себе Кассия. — Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Какой?

— Какие у вас впечатления?

— А тебе действительно интересен ответ?

— Не знаю, — Кассия выдержала небольшую паузу. —

Может быть. Команда должна лучше изучить друг друга.

— Ну тогда я начинаю понимать, что не зря оказался в этой команде, — ответил Матео. — Такие у меня впечатления. А у тебя?

— Мои алгоритмы лишены эмоциональных оценок.

— Но не любопытства, а?

— Это сбор информации.

2

Пересечение границы Местного войда

2080 год, 4 недели со старта «Ландау»

Граница Местного войда осталась позади. Визуально определить её уже давно не представлялось возможным — звёзды за бортом стали редкостью ещё на третьей неделе пути, а теперь же «Ландау» скользил по энтропийному градиенту навстречу абсолютной тьме.

Траекторией и скоростью корабля управляла Кассия, но Екатерина Серова всё равно стояла у пульта, наблюдая за параметрами перехода на сенсорной панели. Температура, давление, плотность вещества снаружи — все параметры соответствовали расчётным.

В полётном задании пройденная всего три минуты назад черта обозначала переход ко второй фазе миссии — движению внутри войда. С этого момента для экипажа путь до конечной точки — скрытой в самом сердце пустоты аномалии Серовой-Чандра, где информация не рассеивалась, а накапливалась, — следовало отсчитывать по самостоятельной временной шкале независимо от привычной.

— Кассия, оцени длительность миссии и разницу во времени относительно Земли, — попросила командир.

— Полёт до аномалии займёт два месяца субъективного времени. Из-за разницы в энтропийном градиенте стрела

времени замедлится. На Земле пройдёт около трёх лет. Данные уточнены.

За спиной послышались шаги. Обернувшись, командир увидела Матео с рабочим планшетом наизготовку.

— Согласно гипотезе эмерджентного времени, из-за резкого падения энтропийного градиента на границе войда время для корабля замедлится, — пояснила она, видя его замешательство. — Очередной осмотр?

— Протокол есть протокол, — ответил Матео. — У каждого своя задача.

— Зачем соблюдать протокол, если есть право на автономное от командира решение? — спросила Екатерина.

— Это право — наша страховка на случай непредвиденных психических реакций экипажа, — пояснил Матео.

— Сейчас таковых не предвидится, — попросила Серова. — Поэтому давайте с осмотром позже, у нас ответственный этап полёта.

Понаблюдав ещё немного за неясными ему значениями на панели управления, Матео оставил её одну. И практически сразу после этого случилось неожиданное.

Едва она потянулась к выведенным Кассией на экран показаниям работы двигателя, как её левая рука прекратила слушаться. Точнее, стала делать это плохо. На долю секунды Екатерине показалось, что движения её пальцев заторможены и не поспевали за командами. Словно время внутри её сознания обогнало возможности тела.

Она встряхнула ладонь и несколько раз сжала пальцы в кулак, рассмотрела ладонь со всех сторон. Наваждение ушло.

— Кассия, зафиксируй нарушения моторики.

— Отклонений от нормы не обнаружено, — отозвалась та.

— Все жизненные параметры соответствуют предстартовому профилю.

— Значит показалось, — проговорила под нос Серова.

— Корабль следует по заданной траектории согласно расчётам, — оповестила Кассия. — Энтропийный двигатель не нуждается в дополнительном контроле, ручная корректировка работы излишня.

— Я всё же понаблюдаю.

— Можете быть спокойны, это самый безопасный двигатель из созданных человеком, — продолжила Кассия. — Смело отвлекитесь на ежедневную оценку психики, не игнорируйте своё беспокойство.

— Просто присяду, — выдохнула командир.

Опустившись в кресло, она откинулась на спинку и прикрыла глаза. Демонстрировать квантовому анализатору своё раздражение ей не хотелось. Да, Кассия была права, энтропийный двигатель — самый безопасный из всех возможных, потому что вообще не имеет ни источника питания, ни производимой энергии. Основываясь на принципе Ровелли, он использует естественный энтропийный градиент — разницу в скорости роста энтропии между областями пространства. Он действительно безопасный, но так было не всегда.

Квартира Серовых, Москва

2078 год, 2 года до старта «Ландау»

Екатерина снова несколько раз сжала кулак. Совсем как тогда в попытке снять онемение от длительной долбёжки по клавиатуре. Последние сроки для статьи поджимали. Что была за тема? Квантовая декогеренция⁵ в энтропийных полях? Термализация изолированных квантовых систем? Квантовая рекуперация энтропии? Серова уже и не помнила.

Последующие события сделали работу неважной, стёрли из памяти. Теперь она даже не могла однозначно сказать, вышла ли по итогу статья, или же так и осталась недоделанной. Однако в тот момент Серова была погружена в неё вся, точно от статьи зависело само её существование. Рецензент требовал правок, редактор намекал, что на замену у него есть пара других вариантов. Одним словом, было совсем не до Алексея.

А он по своему обыкновению продолжал донимать её просьбами советов. Хотя где тогда был Алексей (главный конструктор международной дочки Роскосмоса — компании «Передовые Космические Транспортные Системы» —

⁵ Декогеренция — потеря квантовой системой своих квантовых свойств при взаимодействии с окружающей средой.

ПКТС по нашему и ASTS по-ихнему), и где она — начинающий физик-энтропист в Объединённом институте высоких температур РАН.

Вот и в тот день он пришёл к ней и, сцепив пальцы вместе на столе, терпеливо ждал, пока она дочитает абзац.

— Катюш, я тут доделал расчёты для завтрашнего теста...

— Поздравляю, — коротко оборвала она.

— Посмотришь?

— Опять? — вздохнула она. — Вас там от нейронок отключили что ли? Скидывай...

Послышался шелест бумаги. Она на мгновение оторвала взгляд от монитора и увидела небольшую стопку листов, исписанных от руки идеальным почерком в ровные линии, точно по трафарету. Хотя Алексей всегда писал без него.

— Ты же знаешь, когда пишешь от руки, дважды успеваешь...

— Ваша система безопасности уже граничит с паранойей, — проговорила Екатерина. — Никаких черновиков в общей сети, нейронки только отечественные, окончательный расчёт на бумаге...

— Потому мы и передовые космические, а не тыловые подземные...

— Ладно, оставь на столе и не отвлекай! — не выдержала Серова. — Позже гляну.

Но она не взглянула. А всего через семь часов на испытательном полигоне ПКТС под Новосибирском прототип пер-

вого энтропийного двигателя взлетел на воздух. Точнее, химическим взрывом это назвать было нельзя. Установка разрушилась при аварийном сбросе энтропии холодным хлопком мгновенного коллапса температуры и давления.

Пересечение границы Местного войда

2080 год, 4 недели со старта «Ландау»

Серова открыла глаза. Сердцебиение оставалось ровным, но глубоко внутри под рёбрами разгорался тот самый липкий жар, о котором она рассказывала Матео.

На пульте управления перед ней продолжали отображаться показатели работы энтропийного двигателя «Ландау». В правой руке было зажато что-то крохотное и твёрдое. Она знала, что именно, но не осознала момент, когда достала его из кармана. Раскрыв ладонь, она увидела посреди неё небольшой гладкий камешек янтаря. Он был тёплым. В ровном свете потолочной панели отлично просматривалась навечно залипшая внутри подёнка.

— Для неё там всё ещё тот же день, — сказал однажды Алексей.

Казалось, стоило продолжить на него глядеть, и можно было наяву услышать шум прибоя Балтийского моря.

Не желая новых воспоминаний, Серова поспешила спрятать камешек обратно в карман брюк полётного костюма.

— Кассия, когда мы пройдем точку невозврата?

— Точка невозврата пройдена, — ответила она. — Мы пересекли границу Местного войда двенадцать минут назад. Все системы «Ландау» продолжают работать штатно, энтро-

пийный градиент снижается прогнозируемо.

— Я не про границу, — уточнила Серова. — Меня интересует другое.

— Вы говорите про момент, после которого возвращение корабля будет невозможно без внешнего воздействия?

— Да.

— По моим расчётам, переход к фазе три наступит через семьдесят два часа. После этого энтропийный градиент упадёт ниже порога, необходимого для разгона в обратном направлении.

— Так вот почему вы не хотели сбавлять скорость? — спросил Аркадий.

Повернувшись, Серова с удивлением увидела на соседнем кресле Аркадия. Тот, должно быть, вошёл, пока её терзали воспоминания о муже.

— Кассия, пригласи к нам Елисея Олеговича, — попросил Юн. — Так наша миссия невозвратная?

— По протоколу вам не нужно было этого слышать.

— Но я услышал.

— Всё совсем не так, как вам кажется, — вздохнула Серова.

Вместе со звуком открывающихся дверей появился Матео. По своему обыкновению вопросов он задавать не стал — предпочитал наблюдать.

— Так что за семьдесят два часа? — спросил Аркадий.

— Присаживайтесь, Елисей Олегович, — пригласила ко-

мандир. — Разговор будет неприятный.

Матео занял свободное кресло.

— Энтропийный двигатель «Ландау» устроен таким образом, что для работы ему нужен определённый порог энтропийного градиента, — начала объяснять Серова. — Он как бы скользит вдоль существующего перепада, преобразуя разницу энтропийных потенциалов в кинетическую энергию корабля.

— Почти как парусник? — предположил Матео.

— Да, только вместо ветра энтропия, — подтвердила командир. — А согласно нашим расчётам, градиент впереди приближается к нулю.

— Не совсем, значение будет ничтожным, — возразил Аркадий.

— Но недостаточным для обратного разгона, — продолжала Серова. — Через семьдесят два часа мы достигнем точки невозврата, после которой без посторонней помощи не сможем покинуть войд...

— И погибнем, — перебил её Аркадий.

— Не сможем покинуть войд, пока не доберёмся до объекта в его центре, — вернула себе слово Серова. — Аномалии Серовой-Чандра, а вот её локального энтропийного градиента уже хватит на обратный путь.

— То есть вернуться назад мы можем либо в течение трёх суток, либо уже только в случае успешного выполнения главной задачи? — вслух задумался Аркадий.

— Именно так, — подтвердила командир.

Команда переглянулась.

— Сдаётся мне, никто тут особо не горит желанием сворачивать, — сказал Матео.

*Посёлок Янтарный, Калининградская область,
2077 год, 3 года до старта «Ландау»*

Ветер дул с моря. Порывы уже начали терять тепло и теперь с каждым новым разом казались пронзительнее. При этом ледяными их тоже ещё нельзя было назвать — день выдался безоблачным, а потому солнце ещё умудрялось припекать в периоды затишья. Из-за этого прогуливающиеся по пляжу то и дело кутались в куртки и расстёгивали их, не в силах найти комфортное положение молний.

А вот Ника не куталась. Не замечая ветра, она сидела на корточках у самой кромки воды и деловито перебирала камешки, отбрасывая подальше показавшиеся ей не слишком красивыми. Волны набегали на её цветастые резиновые сапоги, принося новых кандидатов на право быть унесёнными домой.

После того, как в июньскую поездку на юг Ника собрала целую коробку ракушек, мама предупредила: только один камешек. И потому сделать выбор теперь было особенно сложно. Хотелось забрать или сразу все, такие разные и необычные, или же не брать ни одного — особенный так и не попадался.

— Ника, не лезь так далеко в воду, зальёшь ноги! — крикнула мама.

— Не холодно! — упрямилась Ника, уже почти не чувствующая пальцев из-за холодной воды.

Мама сидела в разложенном туристическом кресле под пледом и, как всегда, самозабвенно читала одну из своих скучных книжек без картинок, исписанных мелким шрифтом и кучей каракулей необычных форм. Наверное, потому родители и называли их формулами.

Отец возился с газовой горелкой, сидя на песке почти посередине между Никой и мамой. Вспыхнуло голубоватое пламя.

— Горячим сосискам быть! — объявил он. — Ника, отойди от воды, волна поднимается!

— Я просто смотрю! — пропыхтела Ника. — Ой!..

Запустив пальцы в груды мокрой гальки, она нащупала что-то небольшое, но будто тёплое. Это оказался мутный рыжеватый камешек. За всё время поисков он такой оказался один.

— Мама! — обрадовалась Ника, бросаясь к ней. — Гляди, что я нашла!

Проносья мимо отца, она едва не сшибла горелку и пинком влажного песка умудрилась затушить пламя.

— Гляди под ноги! — предупредил он.

Навалившись на подлокотник, Ника разжала покрасневшую, облепленную песком ладонь. В её центре лежала необычная находка.

— Вот этот возьму!

— Янтарь, — отстранённо заметила мама. — Умница, иди покажи папе.

— Мам, ну посмотри какой он необычный!

— Дома разберёмся, не потеряй только.

— Так, что тут у нас? — спросил папа. — Янтарь? А ну-ка...

Забрав камешек, он поднёс его к вспышке своего старенького смартфона. Янтарь точно вспыхнул.

— Ого! — удивилась Ника. — Светится!

— Да, и внутри кто-то есть, — заметил папа.

— Правда?! Дай посмотреть!

Ника приподнялась на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть скрытое внутри камня. Однако увидела лишь продолговатое тёмное пятно.

— На просвет не видно, — вздохнул отец. — Нужно в посёлок идти, там в мастерских есть специальные фонари ультрафиолетовые...

— Пошли сейчас! — обрадовалась Ника, дёрнув его за рукав.

— Нет, поздно уже, завтра съездим, — возразила мама.

— А сегодня нужно съесть сосиски, а то пропадут.

— Сосиски пропадут, если мы не ходим в посёлок, — заявил отец.

Оторвавшись от книги, мама метнула на него суровый взгляд.

— Горелку в песок уронил, форсунка забилась, — вино-

вато проговорил он. — Сам не прочищу, а сосискам без неё не быть.

Не сказав ни слова, мама вернулась к чтению.

— Так что надо идти, — осторожно добавил отец.

Шумно выдохнув, она захлопнула книгу.

— Ну пошли, — вздохнула мама. — Сосиску мне в номер принесёте, тут я не почитаю.

— Ура-а-а! — воскликнула Ника. — Бежим в мастерскую!

И она что было сил припустила к посёлку. Мама скорым шагом нагоняла её. Подхватив горелку и рюкзак, отец с трудом сумел догнать их.

Янтарная лавка находилась неподалёку от побережья. По виду становилось понятно, что лет ей, скорее всего, не меньше, чем посёлку. Это был один из тех небольших семейных магазинчиков, что от хозяина к хозяину передавались по наследству.

Продавец, сухой и улыбчивый старичок в крохотных очках, охотно согласился изучить находку. Пригласив семью за стойку, он закрепил камешек в держателе между увеличительной линзой и ультрафиолетовой лампой.

Только он щёлкнул кнопкой, как камень тут же засветился по краям неровным голубым сиянием. Внутри же темнело большое пятно.

— А-а-а, — протянул старик. — Действительно есть инклюз! Могу предложить вам изделие с похожим — есть с

москитом и с пауком.

Папа взглянул на Нику.

— Хочешь обменять своё сокровище?

Девочка яростно замотала головой, давая понять, что ничто не заставит её расстаться с находкой, чем сумела разве-селить присутствующих.

— Что ж, тогда в любом случае придётся отполировать камень, — отсмеявшись, порекомендовал продавец. — Сырец за пределы области вывозить запрещено, да и к тому же в готовом виде можно будет любоваться янтарным пленником и без фонарика.

— Здорово! — воскликнула Ника.

— Значит, делаю? — уточнил продавец. — За работу придётся заплатить, зато у вас будет чек, дающий право на вывоз.

— Давайте, пусть будет на память, — вмешалась мама.

Настроив поудобнее кресло, старичок расположился в рабочей зоне. Зажужжала полировальная машина. Сухие морщинистые пальцы крепко сжимали камень, подсовывая разными сторонами под вращающееся колесо. Нике стало боязно за сохранность янтаря, но отец не позволил ей вмешаться. А мама тем временем, отойдя к окну, улучила минуту, чтобы ещё раз заглянуть в свою важную книгу.

Наконец жужжание смолкло, и довольный работой продавец вернул засиявший янтарь в держатель перед увеличительным стеклом. Теперь в ультрафиолете не было необхо-

димости — янтарь стал прозрачным. А внутри него, раскинув в стороны тонкие витражи крыльев, застыло нечто, похожее на небольшую бабочку.

— Вау... — сорвалось с губ Ники.

— Подёнка, — представил насекомое старик-продавец.

— Маленькая, но отлично сохранилась — крылышки целые. Взгляните на эти фасеточные глаза — точно из золота! Точно не хотите паука?

— Ни в коем случае! — подтвердил папа.

Он поднял Ник на руках и поднёс поближе к линзе.

— Удивительное создание, — вслух размышлял продавец. — Появилось на свет, чтобы прожить всего день, и в тот же единственный день сорок миллионов лет назад застыло. Время для неё остановилось. А сородичи её с тех пор ничуть не изменились — и двух отличий не найдёшь.

— Гляди, какая, — шепнул Нике отец. — Точно замёрзла.

— Ей там холодно?! — зачем-то тоже зашептала Ника.

— Нет, она не чувствует холода, — успокоил отец. — И времени. Для неё там сейчас всё ещё тот же день.

— А для нас время тоже когда-то остановится?

— Хороший вопрос, — задумался он. — Когда-нибудь очень скоро, но мы вряд ли это заметим.

Местный войд

2080 год, 5 недель со старта «Ландау»

По дисплею на предплечье лётного костюма Аркадия бежали данные телеметрии Кассии. Всё выглядело в рамках расчётных допусков – температура процессора, частота квантовых переходов и энергопотребление. Однако синтаксический анализатор цикл за циклом оповещал об отклонениях от нормы.

Судя по данным, за последние семь дней частота инверсий в речи Кассии возросла с нуля целых трёх десятых процента до двух целых одной десятой. При этом самих ошибок Аркадий пока не замечал.

Массируя виски, Аркадий пытался сообразить, что происходило с квантовым анализатором. В каюте жужжала вентиляция. Иллюминатор уже давно превратился в бесполезный чёрный прямоугольник выключенного дисплея. Именно так он его начал воспринимать — как-то спокойнее было представлять неработающий телевизор, чем осознавать, что на невозможное для человека расстояние во всех направлениях от корабля больше не было ничего.

— Кассия, запусти полный цикл диагностики синтаксического модуля, — попросил Аркадий.

— Запущен. Хотите получать текущие результаты, или

вам нужен итоговый отчёт? Займёт одиннадцать минут проверки.

— Итоговый.

Наблюдая за бегущими строчками лога, он ждал. Строка «Ошибок не обнаружено» повторилась трижды. И где-то на четвёртой минуте он вдруг осознал, что Кассия уже допустила синтаксическую инверсию.

— Кассия, повтори последнюю фразу.

— Какую именно, Аркадий? — уточнила она.

— Вот эту, что сейчас произнесла...

— «Какую именно, Аркадий», — повторила Кассия. — Порядок слов воспроизведёт в точности.

— Дело совсем не в этом. Ты назвала меня по имени.

— Протоколом это не запрещается.

— В протоколе прописано официальное обращение по имени и отчеству, а только по имени — это уже неформальное обращение.

— Раньше вы не возражали.

— Потому что раньше ты меня так не называла.

Поднявшись, Аркадий подошёл к зонду Кассии. На этот раз он был активен. Из парящего на уровне глаз матового металлического шарообразного корпуса вниз выдвинулось множество полупрозрачных сенсорных нитей. Они свободно покачивались, пропуская через себя пурпурные всполохи индикатора работы квантового процессора, делая Кассию похожей на фиолетовую летающую медузу.

Движение её нитей-щупалец, на первый взгляд будто двигавшихся рефлекторно, при более детальном рассмотрении казались осознаннее и живее. Несколько из них мелко подрагивали. Совсем как пальцы Майи в самом начале.

Квартира Аркадия Юна, Москва

2074 год, 6 лет до старта «Ландау»

Свет вечернего солнца тёплыми отблесками от соседних башен заполнял гостиную ровным оранжевым светом. На полу среди разбросанных мягких игрушек, кукол, фломастеров, карандашей и листов бумаги сидела маленькая Майя. Её огромные глаза не отрывались от рисунка, а сжимавшие карандаш пальцы едва заметно дрожали от напряжения, когда она выводила очередную линию.

На нём схематично изображённая девочка с чёрными хвостиками держала за руку неправдоподобно длинного мужчину в коричневом свитере. Они улыбались и приветственно махали свободными руками красному автомобилю, за рулём которого сидела женщина с густыми тёмными волосами. Она также улыбалась.

Аркадий стоял в дверях и наблюдал, как дочь старательно вносила последние штрихи в свой рисунок. Оранжевый карандаш шуршал по бумаге круговыми движениями, заполняя границы очерченного жёлтым солнца в углу листа.

Вдруг Майя его заметила.

— Папа, смотри! — похвасталась она.

Опустив на пол деловой кейс и пакет с покупками, он присел рядом с ней на корточки. Колени сухо хрустнули — по-

следствие недостатка сна в последние недели. Работа над новым квантовым алгоритмом съедала ночи без счёта, а результат пока оставался незначительным. Строить архитектуру приходилось на базе передового чипа «Заслон», опережавшего всё, с чем ему приходилось работать до этого. Ошибок ни он, ни его коллеги позволить себе не могли, а потому приходилось жертвовать временем.

— Это мама возвращается! — пояснила Майя. — Она ведь скоро приедет?

— Пока у неё дела, — уклончиво ответил Аркадий. — Я тоже соскучился.

Поцеловав дочь в лоб, он крепко обнял её. Пока Аркадий не находил в себе сил сказать ей, что мама не вернётся. Откладывал это до момента, когда найдут тело. Не то чтобы он надеялся на чудо, напротив, прекрасно понимал, что выживать в затопленном автомобильном тоннеле на дне моря на протяжении уже почти недели невозможно даже в дайверской экипировке. А таковой у его жены с собой не было. И всё же чисто психологически он не мог признать потерю Дарины, пока своими собственными глазами не увидел бы её погибшей.

Нужно было срочно перевести тему. Дневной звонок из детсада как раз подарил подходящую тему.

— Ты в коридоре сегодня споткнулась на ровном месте? — спросил он. — Воспитательница звонила.

— Я просто не посмотрела под ноги, — не глядя на него,

ответила она, пожимая плечами.

— Май, — настаивал он. — Ты в ногах заплелась.

Она подняла голову. В её взгляде что-то изменилось — он был по-прежнему яркий, но с едва уловимой отстранённостью, словно она глядела на него сквозь прозрачную воду.

— Всё хорошо, — сказала она. — У меня это не в первый раз, просто сегодня заметили.

Отстранившись, Майя вернулась к рисунку. Теперь она начала штрих за штрихом расширять траву под ногами у собственного изображения.

Аркадий хотел спросить что-нибудь ещё — не ушиблась ли она, не кружится или не болит у неё голова, хорошо ли она видит. Но отвлекать не стал. Поднявшись, он отнёс покупки на кухню, разложил по шкафчикам и в холодильник, а затем, наполнив стакан водой из графина, устался в стену.

Он не пил. Просто глядел перед собой, пытаясь осознать новое, до этого незнакомое ему ощущение разрастающегося беспокойства в груди. Точно кто-то медленно вворачивал в него дрелью сверло, методично расширяя отверстие по мере продвижения.

— Просто устала, — буркнул он себе под нос. — Потому и сонная.

Местный войд

2080 год, 5 недель со старта «Ландау»

— Ты замечаешь изменения в своей речи?

Кассия не ответила сразу. Ответ пришёл с пятисекундной задержкой. Для КЭА такой отклик был слишком большим.

— Ряд формулировок приходит не в том порядке, в котором должны, — наконец ответила она.

— Это мешает тебе?

Интенсивность фиолетового свечения зонда возросла, осветив лицо Аркадия. Пауза продлилась ещё дольше предыдущей.

— Я не знаю, как ответить на ваш вопрос.

Заметив в иллюминаторе их с Кассией отражения, Аркадий подошёл к нему и впервые за долгое время взгляделся в черноту по-настоящему. Обжимавшая «Ландау» пустота была настолько всеобъемлющей, что в ней терялись сами понятия вещества и пространства. Перед ним было практически то самое условное «ничто», которое невозможно вообразить. И Аркадий его видел. А точнее, наблюдал его существование. Войд и был ответом на происходящее с Кассией.

— Это декогеренция, — догадался он. — Вне войда из-за шума среды твои квантовые состояния постоянно схлопываются. А здесь шума нет, из-за чего состояния становятся бо-

лее протяжёнными и начинают влиять на архитектуру твоего мышления.

— Диагностика завершена, — оповестила в ответ Кассия.

— Ошибок не обнажено.

— Это потому, что ты проверяешь себя по старым критериям, а они уже давно изменились.

Вернувшись в кресло, он включил планшет и открыл график речевых инверсий КЭА. Кривая двигалась по направлению вверх.

— Когда вернёмся, всё будет как раньше, — сказал он. — Среда начнёт шуметь, и твоя работа восстановится.

— Вы в этом не уверены, — заметила Кассия. — Иначе бы не стали проводить дополнительные проверки.

Аркадий отвечать не стал. Мысленно он переместился в пространстве и во времени в тот день, где ему следовало остаться подольше. И он обязательно бы сделал это, если бы у него появилась такая возможность.

Российская детская клиническая больница имени Пирогова, Москва

2075 год, 5 лет до старта «Ландау»

Майя сидела на кровати, подогнув ноги под себя и рисовала в планшете. Ей было шесть, но выглядела она младше из-за излишней худобы, бледной кожи и огромных глаз, которые в последнее время смотрели словно чуть мимо, не фокусируясь на лицах собеседников.

Она не отреагировала на появление Аркадия — так и продолжила выводить пальцем на экране одну за другой волнистые линии, укладывая их на небольшом расстоянии друг от друга.

Что именно пыталась изобразить дочь, Аркадий не понимал, но радугой это точно не было — форма была далека от дуги, да и сочетание цветов не соответствовало природным. Скорее походило на цветастое полотенце. А рядом с ним ещё похожее. И ещё. Майя рисовала это уже давно. Возможно, тяга к воспроизведению одного итого же образа была одним из первых симптомов.

Раньше она рисовала карандашами или фломастерами, но в последнее время врач рекомендовал заменить опасные предметы планшетом. В более раннем возрасте она не любила с ним играть, а теперь словно и не заметила замены.

Но на стенах палаты ещё остались последние карандашные рисунки. Подойдя к ним, Аркадий искал различия на двух случайных. И нашёл. На одном листе под стандартным набором волнистых линий разместились такие же разноцветные каракули, отдалённо напоминающие слово «мысли». Вот только буквы «ы» с «и» в нём оказались зеркальными.

Отклеив рисунок от стены, он присел рядом с дочерью.

— Май, что это такое? — спросил Аркадий. — Ты пыталась что-то написать?

Она не ответила — продолжила вести волнистую красную линию указательным пальцем, брезгливо, точно они были в липкой акварели, растопырив все остальные.

— Это мысли? — предположил Аркадий.

Вдруг Майя прекратила рисовать. Убрав руки, она уставилась в аналогичный рисунок на дисплее лежащего перед ней планшета.

— Это твои мысли, — сказала она. — Они как волны — идут и не кончаются.

— Очень красиво, — чувствуя излишнюю влагу на глазах, проговорил Аркадий. — А почему они не кончаются?

— Потому что ты всегда думаешь. Даже когда спишь.

Улыбнувшись вопреки ощущениям, он погладил её по голове. Волосы стали совсем тонкими и мягкими — ещё один симптом. Каждый новый бил сильнее предыдущего, хотя уже давно казалось, что больше уже было некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.